

**ПУШКИНСКИЕ СИМВОЛЫ 1830-Х ГГ. В ПЬЕСЕ М.А. БУЛГАКОВА
«ПУШКИН»
220-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.С. ПУШКИНА ПОСВЯЩАЕТСЯ
2019 ГОД – ГОД ТЕАТРА В РОССИИ
Осипова Ю.В.**

*Осипова Юлия Вячеславовна - кандидат филологических наук, преподаватель филологических дисциплин,
Государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение
Педагогический колледж № 10, г. Москва*

Аннотация: в статье на материале пьесы Булгакова «Пушкин» рассматривается преемственная связь между пушкинской и булгаковской символической системами. Эта проблема входит в более обширную – общекультурную архетипическую модель символов, в которой сосредоточен исторический и культурный опыт русского народа. Материал может иметь практическое значение на спецсеминарах по творчеству Пушкина и Булгакова.

Ключевые слова: аллюзия, архетип, внесценический персонаж, реминисценция, символ, эффект отражений образов.

Наверное, в XX веке нет ни одного произведения, прочно усвоившего пушкинскую символику 1830-х гг., как пьеса М.А. Булгакова «Пушкин» (1937). Здесь собрались почти все символы, важные для поэтики Пушкина 1830-х гг.: символ вьюги (и ее производных), дороги, станционный смотритель, дом, огонь, символическая триада «черного», «белого» и «красного».

Обилие символов в поэтике М.А. Булгакова отнюдь не случайно: оно предопределено основой его художественной системы – архетипичными образами – от общечеловеческих архетипов до национально-культурных образов-архетипов, в которых сосредоточен исторический опыт русского народа [5].

Пожалуй, в работах, исследующих творчество Булгакова и непосредственно пьесе «Пушкин», внимание уделяется в основном символу вьюги как вестнику смерти Пушкина [2], [4].

Но символ вьюги означает не только движение к смерти самого Пушкина, он имеет и другие смыслы и оттенки, которыми определяется его функциональность.

Символ вьюги (и ее производных) имеет сюжетообразующую роль в пьесе. Он закручивает действие, способствует его развитию. Первое действие начинается ремаркой: «...Гончарова тихо наигрывает на фортепиано. За окнами слышна вьюга» [1, 464]. Во втором действии Битков цитирует: «Буря мглою небо кроет...» [1, 486]. В третьем действии Дантес сетует: «У меня сплин. Вот уже третий день метель... Летит снег и все былое» [1, 493].

Символ вьюги имеет временную функцию, выражающую безысходность или безвременье. Не случайно Никита говорит: «Не будет в Питере добра, вот вспомните мое слово... Здесь вертеп...» [1, 467].

Вьюга также подчеркивает психологическое состояние человека. Например, Дантес жалуется: «Снег, снег, снег... что за тоска. Так и кажется, что на улицах появятся волки» [1, 493].

Символ вьюги здесь действительно выведен на передний план, ведь этот символ несет разрушение и хаос и является противоположным по отношению к символу Дома как к гармоничному, привычному, утроенному миру (в этом смысле показателен образ Н. Пушкиной, у которой нарушена гармония в душе, и вследствие этого она не может являться хранительницей домашнего очага).

Наибольшей концентрацией смысла Булгаков наделяет символ вьюги в последней сцене пьесы, которую условно можно назвать «В доме станционного смотрителя». Пушкинский «Зимний вечер» начинается строками: «Буря мглою небо кроет / Вихри снежные крутя». В начале сцены «В доме станционного смотрителя» Булгаков вводит аллюзию этого образа: «Пение постепенно переходит в свист вьюги» [1, 508]. Затем действия пушкинских и булгаковских образов напрямую пересекаются, символ вьюги, включаясь в одну из форм реминисценции – аллюзию, полностью повторяет пушкинский. «Что же ты, моя старушка, / Приумолкла у окна? [1, 439]»; «Выпьем с горя, где же кружка?» [1, 439] – в стихотворении Пушкина. «Свеча. Огонь в печке. Смотровельница припала к окошку, пытается что-то рассмотреть в метели» [1, 508]. «Битков. Давай, Петровна, штоф» [1, 509], - в пьесе Булгакова. В этой пьесе символ вьюги углубляется за счет другого символа – символа огня («Свеча. Огонь в печке» [1, 509]). Огонь несет очистительную функцию, тепло, в противовес метели, подразумевающей холод. Поэтому огонь в пьесе – не только символ очищения от страдания самого Пушкина (Пушкин уже убит), это еще надежда на то, что земля очистится от злой, ревушей метели-вьюги, от глухого зла черни.

Символ вьюги в «Пушкине» имеет потенциальную функцию: он может «порождать» другие символы. Ближе к финалу снежный вихрь обретает плоть, превращаясь в толпу: если раньше с улицы доносился гул ветра и метели, то теперь: «С улицы доносится по временам глухой гул толпы» [1, 506]. Наблюдается некий мотив возмездия: толпа выступает как судья убийства Пушкина. Далее происходит обратное –

голос толпы превращается во вьюгу: «Пространство перед подворотней очистилось. <...>. Пение постепенно переходит в свист вьюги...» [1, 508].

Символ вьюги также перерастает в символ пути-дороги, ведь символ вьюги уже подразумевает движение: «Господи... крутит! Вертит! И в глаза, и в уши!...» [1, 464].

Смотритель. Ваше благородие, ехать, ехать...

Во внутренних дверях тотчас показывается Ракеев.

Ракеев. Ехать! [1, 511]

Ехать..., но куда? Может, опять последует это вечное, бесконечное путешествие по вихрю времени неведомо куда по воле роковой стихии? Думается, что уверенный призыв Ракеева разрушает замкнутое пространство пьесы (она имеет кольцевую композицию – излюбленный прием Пушкина) равно, как его разрушает ритм вьюги, дающий толчок, направленность, векторность дальнейшему движению.

Не менее важную роль в поэтике Булгакова играет цветовая символика [6]. В этом смысле пьеса Булгакова «Пушкин» не исключение. Символика «черного» здесь явилась доминирующей: «Потом из тьмы – зимний день» [1, 471]; «Ночь...» [1, 479]; «Пушкина. Я не люблю дневного света, зимний сумрак успокаивает меня» [1, 479]; «Тьма» [475]; «Темно» [485]; «Темно. Из тьмы – багровое зимнее солнце» [1, 496]; «Ночь. Гостиная Пушкина. Зеркала завешены...» [1, 503]. Примечательно, что символическая семантика «черного» «впитала» и семантику «черных сил» (Дантеса, черни), а также незримое присутствие самого Пушкина в пьесе, который является в ней внесценическим персонажем (ведь это произведение о Пушкине без роли Пушкина). Но здесь мы можем говорить о «поэтике отсутствующего героя» [3]. Пушкин показан в пьесе с помощью эффекта отражений (не случайно Булгаков слово «негр» написал заглавными буквами): «У колоннады, неподвижен, НЕГР в тюрбане» [1, 479]; затем образ Пушкина окончательно включается в символику «черного»: «Кто этот черный стоит у колонны?» [1, 480]. Таким образом, символика «черного» в пьесе Булгакова приобретает необычный объем, который не может поглотить символика белого цвета.

Символическая триада черного, белого, красного – излюбленных пушкинских цветов, проявилась в сцене, символизирующей дуэль Пушкина с Дантесом: «Темно. Из тьмы – багровое зимнее солнце на закате. Ручей в сугробах. Горбатый мост» [1, 496]. Это символическое сочетание цветов выразило непосредственно в пьесе то роковое, чем закончилась жизнь поэта, а также явилось непосредственно символическим воплощением творческой манеры Пушкина.

Заимствованная Булгаковым символика из пушкинской поэтики 1830-х гг. оказалась той сложной многогранной формой, способной выражать то вечное и индивидуальное, из чего складывалась поэтика пушкинского символа, а вместе с этим и поэтика символа Булгакова. Думается, что постижение преемственных связей между символикой пушкинских произведений и произведений, в первую очередь, Булгакова – необходимая ступень к реализации символического в поэтике русской литературы вообще.

Список литературы

1. *Булгаков М.А.* Собрание сочинений: в 5 тт.; 3 т. Москва: Художественная литература, 1992.
2. *Гозенпуд А.* Последние дни // («Пушкин») // М.А. Булгаков-драматург и культура его времени. Москва: Союз театральных деятелей РСФСР, 1988. С. 215-222.
3. *Есипова О.* Пушкин в пьесе Булгакова // Болдинские чтения. Горький. Волго-Вятское книжное издание, 1985. С. 183-190.
4. *Новиков В.В.* Булгаков-драматург // Булгаков М.А. Пьесы. М.: Советский писатель, 1986. С. 574-598.
5. *Урютин И.С.* Национальные образы-архетипы в творчестве М.А. Булгакова: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Елец, 2011. 451 с.
6. *Юшкина Е.А.* Поэтика цвета и света в прозе М.А. Булгакова: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Волгоград, 2008. 223 с.